

- единений: Сб. научн. трудов. Вып. 1. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 106 – 114.
29. Резункова О.П., Сыромятников А.Г. Влияние магнитных и спин-торсионных полей на образование спиральных молекулярных структур // Слабые и сверхслабые поля в биологии и медицине: Тез. I Междунар. конгр. – СПб., 1997. – С. 107.
  30. Резункова О.П., Сыромятников А.Г. Физические эффекты спин-торсионных воздействий как гироэлектромагнитные явления и их биологическая значимость // Слабые и сверхслабые поля в биологии и медицине: Тез. I Междунар. конгр. – СПб., 1997. – С. 84 – 85.
  31. Седельников В.В., Сабуров В.П. Торсионные поля и их применение // Вестник Омского университета. – 1996. – Спец. вып. 1. – С. 123 – 124.
  32. Соколова В.А. Исследование реакции растений на воздействие торсионных излучений. – М.: 1994. – 32 с. (Препринт / Межотрасл. научн.-техн. центр венчур. нетрадиц. технологий; № 48).
  33. Сыромятников А.Г. О физических эффектах спин-торсионных взаимодействий как гироэлектромагнитных явлениях // Физич. мысль России. – 2000. – № 2. – С. 1 – 14.
  34. Филиппов А.И. Многоликий солитон. – М.: Наука, – 1999. – 288 с.
  35. Цыганков В.Д., Лопатин В.Н. Психотронное оружие и безопасность России. – М.: СИНТЕГ, 1999. – 152 с.
  36. Шипов Г.И. Теория физического вакуума. Новая парадигма. -М.: НТ-Центр, 1993. – 362 с.
  37. Ярцев В.В. Свойство человека объединять энергии и информации клетки своего физического тела // Сознание и физическая реальность. – 1998. – Т. 3. – № 4. – С. 52 – 58.

ЛЕТОПИСЕЦ БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ

В.В. СЕМАКОВ, к.б.н., ГНП "Беловежская Пуща"

Среди природных феноменов Беларуси, которыми по праву гордится ее народ, первое место, безусловно, принадлежит Беловежской пуще. Сегодня этот уникальный лесной массив, внесенный ЮНЕСКО в список Мирового природного наследия человечества, знают не только в Европе, но и во всем цивилизованном мире. Немалую роль в открытии для широкой общественности и популяризации этого, действительно, чуда природы, сыграла и уникальная (другое слово трудно подобрать) книга Георгия Павловича Карцова «Беловежская пуща», выпущенная в Петербурге в 1903 г. Отпечатана она в Артистическом издательстве А.Ф. Маркса, располагавшем к тому времени самым передовым полиграфическим оборудованием. Ряд книг вышли в богатом темно-зеленом сафьяновом переплете. Одновременно были выпущены и экземпляры попроще, которые при знакомстве с содержанием книги, многие пожелали переплести в особые корочки и иметь в подарочном варианте.

В книге Карцов обобщил известные и ставшие доступными ему сведения о Беловежской пуще начиная с древних времен, уделив особое внимание времени, когда ее населяло мало кому известное теперь племя

ягвягов. Заканчивается же она 1900 г. Таким образом была создана своеобразная летопись этого древнейшего леса, к которой будут возвращаться все новые и новые поколения исследователей. Кроме большой исторической ценности, книга пропитана любовью автора к этому чудом сохранившемуся островку дикой европейской природы и вызывает такие же чувства и у читателей, заставляя почувствовать величие и красоту первозданного леса. Вот только один маленький отрывок из книги: "При проезде по пуще не устаешь смотреть и восхищаться. Глубокое волнение невольно охватывает любителя природы при виде многовековых сосен и дубов; мысли летят к старине. Среди пушчанских великанов есть не мало таких, на которых в их молодом возрасте, быть может, останавливались взоры Батория и под тенью которых отдыхали на охотах Августы Саксонские. Есть участки, где эти почтенные представители старины встречаются не единичными экземплярами, а занимают площади в несколько десятин, при чем одновременно перед глазами стоят несколько старцев различных пород. При взгляде на них, «шапка с головы валится» в буквальном

смысле этой поговорки, и хочется приблизиться, чтобы измерить, сколько обхватов укладываются вокруг ствола. Какими ничтожными кажутся перед этими патриархами деревья, представляющиеся в другом лесу крупными.

При написании книги использован колоссальный объем материала, поэтому и информативность ее огромна. Конечно, у Карцова – бывшего работника Министерства внутренних дел, был практически неограниченный доступ к архивным документам. Но без сознания того, что работа задумана не ради прославления Императорской фамилии, в чьем ведении тогда находилась пуца, а во благо Отечества, «Беловежской пуцы» могло и не быть. Не состоялась бы она и без того круга общения, в котором протекала жизнь самого автора, и о котором, до настоящего времени, практически ничего неизвестно. В этом смысле Карцов подобен другому певцу белорусской природы – Николаю Гусовскому, автору замечательной поэмы «Песня о зубре». До сих пор не известны не только даты рождения и смерти поэта, но даже точное место, где он появился на свет. Но если жизнь Гусовского проходила, без малого 500 лет назад, то Карцова вполне можно назвать нашим современником, жизненный путь которого завершился в конце тридцатых – начале сороковых годов истекшего столетия (точная дата смерти пока что тоже не установлена).

Отдавая должное таланту Георгия Павловича и в преддверии приближающегося столетия с момента выхода его замечательной книги, я поставил перед собой цель отыскать хоть какие-либо сведения относительно жизненного пути Карцова, столь подробно и поэтично описавшего пуцу, и столь незаслуженно остающегося в тени как на страницах его книги, так и на страницах истории. Неоценимую и бескорыстную помощь в исследованиях оказал мой давний друг – действительный член Российского Географического Общества Николай Иванович Красов, которому я выражаю глубокую благодарность.

С его помощью удалось установить, что Карцов родился 10 сентября 1861 г. Его

отцом был герой Турецкой войны, генерал и военный писатель Павел Петрович Карцов – автор монументальной (более 600 страниц) книги "Из прошлого", изданной в Петербурге в 1888 г. Из нее известно, что он имел двух сыновей, младшим из которых, по видимому, был Георгий Павлович. Оба брата 13 декабря 1870 г. были зачислены в Пажеский корпус, куда принимали исключительно сыновей высших гражданских и военных чиновников, решивших посвятить себя службе в армии. Военная же служба в семье Карцовых всегда была в почете. Помимо генерала-отца, в их династии был еще более прославленный военный – генерал-аншеф Александр Петрович Карцов (дядя Георгия Павловича). Он был героем другой войны – Кавказской, и даже имел честь читать историю и тактику боя самим Великим князьям. Последним местом его службы был Харьков, где он командовал военным округом. Там, на Украине, он и умер в 1875 г. Похоронен же в Киеве у «Аскольдовой могилы». Отец Георгия Павловича посещал могилу брата перед походом на Балканы.

15 ноября 1880 г. Карцов был утвержден старшим камер-пажем, а 8 августа 1881 г., произведен в корнеты Кавалергардского полка. Ровно через четыре года (8 августа 1885 г.) он был произведен в поручики, но уже через год (12 сентября 1886 г.) зачислен в запас гвардейской кавалерии по причине "болезни глаз", как отметил в своей книге его отец.

Далее карьера Карцова складывалась по довольно обычной для тех времен схеме. 7 декабря 1889 г. Указом Сената он получил чин титулярного советника, а через четыре месяца (7 апреля 1890 г.) стал Императорского Двора чиновником по особым поручением VI класса при Министерстве внутренних дел.

Продвигаясь по служебной лестнице вверх довольно плавно, без особых взлетов и падений, Карцов 11 июня 1892 г. становится коллежским ассессором, а 29 июня 1896 г. – надворным советником. Через три года (1 ноября 1899 г.) его наделяют чином коллежского советника, в котором он проработал до

27 августа 1904 г. Именно в этот период судьба направила его в то русло, что и привело, в конечном итоге, к написанию знаменитой книги.

Дело в том, что еще в Пажеском корпусе Карцов увлекся ружейной охотой. Особенно нравилась ему охота с участием отменно подготовленных охотничьих собак. Правда, на счет собак у него было особое мнение. Он не признавал пользы от собаки, если она служила лишь предметом роскоши и людского тщеславия, к какой бы породе ни принадлежала. Ему было особенно симпатично «старание разводить и усовершенствовать породы собак, служащих на пользу человечества: сторожевых, милицейских, санитарных, овчарок, охраняющих стада, помогающих уничтожению хищников». Видимо попробовав свои силы в их дрессировке, Карцов полюбил это занятие и впоследствии стал великолепным специалистом по дрессировке именно охотничьих собак, отдать которму пса в обучение мечтали многие.

Как правило, дрессировки проводились в окрестностях Петербурга, в местах непосредственного проведения охот. Особой популярностью среди знати пользовались в то время так называемые «парфорсные» (конные охоты). Суть их состояла в том, что всадник должен был скакать на лошади за сворой преследующих зверя собак. А так как охотничьи собаки во время погони мчатся по местности изобилующей препятствиями, то и седок должен был умело преодолевать любые преграды, включая кусты, овраги и столь нелюбимую лошадьми пашню.

Но, несмотря на сложности подобных охот, ими увлекались не только мужчины, но и многие женщины, что требовало еще большей слаженности действий охотников и их четвероногих помощников. В это время судьба сводила Карцова с бароном Карлом Густавом Эмилом Маннергеймом – тем самым «долговязым кавалеристом, любителем вина и женщин», как образно охарактеризовал его Валентин Пикуль. Маннергейма фортуна вознесла впоследствии на пост президента Финляндии. Созданная же по его проекту оборона доставила в 1939 г. много

неприятностей войскам Красной Армии. В историю России Маннергейм, на чьем столе всегда стоял портрет Николая II, вошел и как главнокомандующий вражеской армии, отдавший войскам приказ остановить наступление на осажденный Ленинград.

Являясь инструктором Высшей кавалерийской школы, Маннергейм лично готовил лошадей и всадников для парфорсных охот, проводившихся в то время между Красным Селом и станцией Дудергоф. Сюда приезжала искать развлечений петербургская знать. Не зря Лев Толстой в романе «Анна Каренина» отнес падение Вронского с коня на скачках именно к этому месту. В этой среде и приходилось возвращаться сравнительно молодому Карцову, занимаясь подготовкой собак к упомянутым охотам.

Вскоре пути Карцова и Маннергейма разошлись. Произошло это по той причине, что лошади последнего во время одной из тренировок поломали в окрестностях Красного Села множество заборов, распугав домашнюю скотину и испортив немало посевов. Поэтому тренировки на природе были прекращены и переместились в Петербургский манеж. Карцов же продолжал тренировать по выходным дням своих питомцев непосредственно в поле, без чего невозможно воспитать достойных для охоты помощников. В этот период он и познакомился с Владимиром Робертовичем Дицем – управляющим Императорской Охотой в Гатчине, сыгравшим в его судьбе немаловажную роль.

Как и отец Георгия Павловича, Диц тоже был участником Турецкой войны и окончил ее в чине штабс-капитана. Поэтому фамилия генерала Карцова была ему знакома отнюдь не понаслышке. Возможно, что при личных встречах генерал рассказывал Дицу и о своей семье, в том числе о сыновьях. Сейчас, конечно, трудно установить, как это было на самом деле, но Диц предложил Карцову стать куратором псовой части Царской Охоты в Гатчине, сделав основной упор на дрессировку собак, которые наиболее часто используются на охотах, что отвечало и склонностям Карцова.

Следует отметить, что сам Диц тоже был страстным приверженцем псовых охот и даже являлся одним из организаторов Российского Общества любителей породистых собак, став впоследствии его президентом. Поэтому он достаточно высоко ценил знания и организаторские способности Карцова, если доверил ему столь ответственное дело. Ведь только псарня состояла из более чем сотни борзых и гончих, использовавшихся в охотах как в окрестностях Гатчины, так и в соседних губерниях. Помимо же нее в псовую часть Охоты входил большой штат обслуги, в том числе государев стрелянной, стрелянные, доезжачие и выжлятники.

Но Карцов тренировал не только борзых и гончих. Ему нравились и иные породы охотничьих собак – сеттеры, пойнтеры, ретриверы, моделяны, таксы. За сравнительно небольшой срок, он сумел добиться не только высокой их выучки, но, подбирая пары и завозя лучших производителей даже из-за границы, он добился и чистоты породы, сделав знаменитыми в среде российских охотников.

Следует отметить, что Диц не имел собственного имения и жил в так называемой Егерской Слободе, расположенной в непосредственной близости от замка-дворца в Гатчине – одного из лучших творений архитектора А. Ринальди. Слобода же представляла собой 17 одинаковых деревянных домиков для егерей, построенных в 1860 г. по проекту архитектора Г. Гросса. В одном из них регулярно останавливался и Карцов, нередко проводя здесь и свой отпуск. В состав Слободы входили и два двухэтажных дома, один из которых предназначался для Обер-Егермейстера Двора (главного егеря), а второй использовался в качестве егерской конторы.

Бревенчатый Егерский домик, сохранившийся до 1920 г., представлял собой гатчинскую достопримечательность. Его фасад украшали рога сленей, из таких же рогов была изготовлена и мебель. Стены же и потолки представляли живописные картины, в основном романтические руины, расположенные на склонах лесистых холмов. В домике любил останавливаться начальник Императорской Охоты – князь Дмитрий Бори-

сович Голицын. В его обязанности входила организация царских охот не только в Гатчине, но и Першине (Тульская губерния), а также в Беловежской пуще. Основная нагрузка по их подготовке и проведению всегда ложилась на плечи Дица и его команды, ну а лавры доставались, конечно, Голицыну.

Императорская Охота была переведена в Гатчину из Петергофа в 1849 г. Тремя годами раньше в гатчинских лесах было проведено лесоустройство под непосредственным руководством ученого лесоведа Альфонса Романовича Варгас де Бедемора. Уроженец Дании, он стал одним из тех иностранцев, для которых Россия стала второй родиной. Охоты проходили на огороженной территории площадью в 400 гектаров, именуемой «Зверинцем», или «Зверинцевским парком». Его ограда тянулась свыше восьми километров и состояла из крестообразно скрепленных еловых кольев высотой более пяти метров. Эта характерная для романтических пейзажных парков ограда, сливающаяся с деревьями и не заслоняющая окрестности, получила у охотников название «ах-ах». Этот возглас вполне отражал их удивление и испуг, при обнаружении ее перед собой во время погони за зверем.

Когда в 1881 г. Зверинец был передан в «егермейстерское ведение», в нем числилось 347 различных животных, большей частью оленей, привезенных из Архангельской губернии, Сибири, Пруссии и Америки. Чуть ранее сюда же были привезены 7 зубров и 2 кабана из Беловежской пущи. Животных содержали в специальном загоне, расположенном рядом с Егерской слободой. Слобода вместе с псарней была обнесена красной изгородью для недопущения на ее территорию городских и деревенских собак. Лес на этой территории был обращен в Заячий ремиз, название которого происходило от проводившихся в нем охот.

Согласно «Положению», служащие Императорской Охоты делились на служащих по охотничьей части и по хозяйству Охоты. Последним руководил «заведывающий хозяйственной частью», которым во времена Карцова был известный Николай

Иванович Кутепов. Его великолепная книга «Великокняжеская и царская охота на Руси» имела в свое время огромный успех не только в среде охотников, но и истинных любителей высококлассной полиграфической продукции. Это ее с завистью листал один из героев ныне модного кинофильма Александра Рогожкина «Особенности национальной охоты». С определенной долей уверенности можно сказать, что данная книга была и в личной библиотеке Карцова, наряду с другой, еще более знаменитой книгой-альбомом «Охота в Беловежской пушце», изданной в 1862 г. Возможно, что именно под влиянием этих «либро рариссимус» (редчайших книг) и зародилось у Георгия Павловича желание написать нечто подобное о Беловежской пушце, причем не только об охотах, но и ее истории.

Сам же Карцов не принимал участия в царских охотах в Беловежской пушце. Но уже первое знакомство с этим реликтовым лесом произвело на него такое неизгладимое впечатление, что он сразу же засел за архивные материалы, начав работу над самой лучшей на сегодняшний день книгой о Беловежской пушце. Да и вряд ли лучше о ней можно написать и в будущем. Ее не только можно назвать произведением искусства, успешно сочетающим безукоризненную форму и наполненное глубоким смыслом содержание, но она стала и тем своеобразным кладом, из которого черпает знания не одно поколение специалистов. Написана она всем понятным слогом, который был столь естественным для русской интеллигенции конца XIX – начала XX века. Да и невозможно было писать плохо, если рядом работают знаменитые писатели и поэты. В Гатчине же жили и творили в этот период такие замечательные мастера слова как Александр Грин, Алексей Толстой, Александр Блок. В эти же годы Александр Иванович Куприн написал здесь «Гранатовый браслет» – одно из лучших своих произведений.

После первого посещения Беловежской пушцы, Карцов побывал в ней еще два раза для уточнения некоторых вопросов, трудно решаемых в условиях Петербурга. Поскольку ко всему он был еще и хорошим

фотографом, то в книгу помимо прекрасных рисунков, выполненных лучшими российскими художниками – М. Зичи, Н. Самокишем, В. Навозовым, А. Хреновым, К. Крыжицким и другими, вошли и ряд его оригинальных фотографий, не утративших своей ценности и в наши дни. Однако, показывая достопримечательности пушцы, он, к сожалению, не включил в книгу снимков со своим изображением. Некоторым исключением является его фотография на фоне царского охотничьего дворца в Беловежье. Но и там он снимался скорее «для масштаба», чтобы показать размеры величественного здания. Поэтому было бы очень здорово, если бы кто-либо из собирателей старины откликнулся на этот очерк, предложив читателям не только новые данные о судьбе незадолго забытого летописца Беловежской пушцы, но и снимки с его изображением. Пока же, по словам проживающего ныне в Петербурге внука расстрелянного в Крыму сына дяди Карцова – Александра Петровича, Георгий Павлович был довольно высокого роста, имел каштановую шевелюру и именовался среди близких «дядя Гога».

Удалось установить, что Карцов был дважды женат. От первого брака с дочерью действительного статского советника Панаева – Александрой Валериановной (1854 г. рождения), у него осталось трое детей: дочь Ольга, родившаяся 21 октября 1885 г., сын Павел (назван в честь деда), родившийся 23 апреля 1892 г. и дочь Татьяна, родившаяся 24 сентября 1894 г. Известно также, что Высочайшим Приказом № 21 от 22 июля 1911 г. Карцов был пожалован в звание камергера двора Его Императорского Величества, что вызвало нескрываемое неудовольствие его непосредственного начальника – заведующего Главным Управлением Уделов князя Кочубея. Ведь только этому званию со времен Александра II полагался особый мундир со специальным золотым вензелем на нем.

Всего же за долгую службу Царю и Отечеству, Георгий Павлович был награжден тремя орденами и тремя почетными медалями. Среди них орден Святой Анны 3-й степени (30 августа 1893 г.), орден Святого

Станислава 2-й степени (6 декабря 1895 г.), орден Святого Владимира 4-й степени (13 апреля 1908 г.).

Что касается жалования, то оно было довольно скромным, составляя от 3500 до 4900 рублей в год, включая столовые и квартирные. Для примера отметим, что коллеги из Управления, где он работал, получали ежегодно по 6000 рублей, будучи полностью избавленными от наема жилых помещений.

Являясь скромным по своей натуре, Карцов, тем не менее, был крайне принципиальным ко всему тому, что касалось его работы. Приведем лишь один эпизод из его жизни, связанный с полевым испытанием подружейных собак, проводившимся под Гатчиной в 1900 г. Тогда в испытаниях, главным судьей которых был непосредственно Карцов, принял участие и уже упомянутый выше Диц.

Главным моментом в испытаниях был поиск собаками дичи – выводков птиц. При этом собака должна была выследить выводок и, не испугнув его, вернуться к хозяину, дав понять своим поведением («анонсированием»), что дичь найдена. После этого она должна была повести его к месту нахождения дичи кратчайшим путем. Четким считалось такое анонсирование, когда собака подбегала после обнаружения выводка к хозяину и «вилянием хвоста и общим суетливым видом» давала понять, чтобы он следовал за нею. Если же хозяин не следовал за собакой, она должна была возвращаться за ним повторно. При подходе же к обнаруженному ранее выводку, она обязана была сделать стойку (во время которой охотник на настоящей охоте вскидывает ружье), а затем уж поднимать птицу на крыло.

После одного из долгих отсутствий знаменитого лаверака Рекса, принадлежавшего Дицу, кобель на секунду высунулся из кустов и тотчас же исчез. Диц заявил, что Рекс "пригласил" его следовать к месту обнаруженного выводка. Но Карцов не позволил сделать этого, отметив, что такой рапорт может быть понятным только хозяину, знакомому с повадками собаки, но никак не собравшейся публике. Он предложил Дицу остаться на мес-

те и ждать вторичного появления собаки, которая возвратилась минут пять спустя. На этот раз Рекс выбежал на середину поляны, круто повернулся назад и, оглядываясь на хозяина, направился в ту сторону, откуда пришел. И хотя самому Карцову было понятно, что Рекс действительно сделал повторный анонс, он, тем не менее, попросил Дица не идти за собакой, а ждать ее очередного возвращения, дабы действия ее стали понятны каждому из присутствующих на испытаниях. «Когда же Рекс пришел за хозяином в третий раз, – так описал этот случай Карцов в одной из своих книг по натаскиванию собак, – то подбежал к нему вплотную и даже положил передние лапы на его грудь, а затем, усиленно виляя задом и махая пером, пошел вперед, все время оглядываясь, следуют ли за ним. Мне, как судье, неловко было первому зааплодировать, когда через несколько минут собака потянула, подводила, стала, и на глазах всей публики поднялся впереди собаки выводок тетеревов».

Оттачивая свое мастерство в натаскивании и дрессировке охотничьих собак, Карцов достиг в этом деле высшего совершенства. Неоднократно он был главным судьей не только российских, но и международных соревнований по полемому испытанию легавых. Он следил за кинологией (учением о собаках) тех стран, где люди начали заниматься собаководством значительно раньше, нежели в России. Посещение различных зарубежных выставок собак, а также питомников по их разведению, стало неотъемлемой частью работы Карцова на протяжении многих лет. Не случайно 14 февраля 1909 г. распоряжением Министра Императорского Двора и Уделов он, как специалист по псовым охотам, назначается представителем в специальное Совецание при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия для рассмотрения замечаний по проекту нового закона об охоте. Но все перечеркнули события 1917 г., внесшие немало изменений в судьбы людей.

После февральской революции 1917 г. обстановка вокруг царского дворца в Гатчине резко изменилась. Уплыл в Турцию на английском корабле «Мальборо» началь-

ник Императорской Охоты, князь Д.Б. Голицын. Вместе с ним покинула царские покои и вдова Александра III – императрица Мария Федоровна, жившая все эти годы в Гатчине с дочерьми и внуками, перебравшись туда сразу после смерти мужа. В начале мая подал в отставку и покровитель Карцова – Диц. По его настоянию должность Ловчего его Величества 17 мая перешла к Георгию Павловичу, что было для последнего полной неожиданностью. Но он не проработал в ней и одного года, поскольку 1 сентября 1917 г. бывшая Императорская Охота была переименована в Государственную, что в общем-то вполне отвечало духу ее деятельности, а в декабре того же года передана в ведение Министерства Земледелия. Комиссаром Министерства был назначен основатель русского охотоведения А.А. Силантьев, который также оказался «халифом на час», проработав в должности чуть более полугода.

Наблюдая за всей этой кадровой чехардой, подает в отставку и Георгий Павлович, продолжая, тем не менее, входить в состав правления Общества любителей породистых собак. В этом качестве он, по-видимому, находился довольно долгое время, и даже успел выпустить три мгновенно разошедшихся книги по натаскиванию и дрессировке охотничьих собак. Так, в 1927 г., на средства Ленинградского Губернского Союза Охотников, издается книга «Воспитание, дрессировка и натаска подружейной собаки», переизданная в 1929 г. В 1931 г., несмотря на преклонные годы, Карцов выпускает через журнал «Охота и природа» третий вариант своей книги о дрессировке собак, также имевшей огромный успех.

К сожалению, больше ничего пока что о жизни и судьбе Георгия Павловича узнать не удалось. Но исследования продолжают, и с результатами их мы обязательно

познакомим читателей. Возвращаясь же непосредственно к книге "Беловежская пуца", хотелось бы предложить объявить ее Национальным Достоянием Беларуси, как это сделала в свое время ЮНЕСКО по отношению к самому лесному массиву, объявив его Мировым наследием человечества. Ведь положение усугубляется еще и тем, что все больше книг Карцова уходит за рубеж, где оседают отнюдь не в Государственных библиотеках, а на руках библиофилов.

Конечно, можно переиздать книгу, как это хотят сделать соседи-поляки, предварительно переведя ее на польский язык. Но, как говорится, одно другому не мешает, хотя подлинник все же есть подлинник.

Что же касается бывших царских угодий в Гатчине, где Карцов провел лучшие свои годы, то в настоящее время там охотятся любители спортивной охоты, правда, теперь уже под контролем охотничьего клуба «Возрождение». В клубе числится 3 тысячи человек, за ним закреплено 142 тысячи гектаров охотугодий. Появились и два заказника – «Пригородный» и «Мшинское болото», где охота категорически запрещена.

По данным упомянутого клуба, на сегодняшний день в Гатчинских лесах обитают 40 еотовидных собак, 160 норок, 1200 белок, 50 барсуков, 100 лисиц, 20 выдр, 12 медведей, 100 бобров, 6 волков, 120 куниц, 8 рысей, 30 ондатр, 15 кабанов и 850 зайцев. Клуб занимается не только организацией охот, но и проводит большую работу по охране ценных видов животных, подкормке молодняка, сохранению экологического равновесия в природе. Но хорошо натасканных собак, как во времена Карцова, имеют лишь немногие и охотятся с ними только отдельные энтузиасты.

